

Труды, вышедшие в серии «Церковные реформы. Дискуссии в Православной Российской Церкви начала XX века. Поместный Собор 1917–1918 гг. и предсоборный период» под научной редакцией протоиерея Николая Балашова, стали заметным явлением в отечественной историографии и внесли существенный вклад в изучение литургической жизни, епархиальных реформ, суда и миссионерской деятельности Русской Церкви рубежа XIX–XX вв.¹¹ Пополнившая их ряд монография А.Л. Беглова, в основе которой лежит его докторская диссертация, освещает историю православного прихода¹². Её открывает пространный экскурс, охватывающий период от Древней Руси до начала XX в. (с. 36–342). На его фоне дискуссии, происходившие собственно «на закате» империи, оказываются лишь вершиной айсберга. Столь подробное рассмотрение трансформации древнерусского прихода и приходских преобразований эпохи Великих реформ связано с тем, что идеализированные представления о допетровских порядках, сформулированные историками и публицистами второй половины XIX — начала XX в. П.В. Знаменским, М.М. Богословским, А.А. Папковым и др., а также защита синодальной практики их оппонентами оказали сильное влияние на дискуссии 1903–1916 гг. и мнения, звучавшие на Всероссийском поместном соборе 1917–1918 гг. Поэтому изучение полемики начала XX в. заставило автора обратиться к ещё более далёкому прошлому, что позволило ему сделать несколько важных наблюдений, выходящих за рамки обзора научной литературы.

Прежде всего Беглов обратил внимание на то, что не существует однозначного определения прихода, которое соответствовало бы реалиям всех исторических эпох. Его нет в православном каноническом праве, отсутствовало оно и в законодательстве Российской империи. Само понимание прихода менялось: от группы людей, приходящих к конкретной церкви (XV в.), к религиозной общности, занимающей некий участок (вторая половина XVI в.), и к административно-территориальной единице с населением, прикреплённым к той или иной церкви нормативными актами (XVIII — начало XX в.). Более чётко очертить это понятие предстояло как раз Поместному собору 1917–1918 гг. (с. 7–10).

Как отмечает Беглов, отсутствуют и точные сведения о количестве православных приходов в царской России: известна лишь численность храмов

¹⁰ Материал подготовлен в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

¹¹ Балашов Н., *прот.* На пути к литургическому возрождению. М., 2001; Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). М., 2002; Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М., 2004; Савва (Тутунов), *игум.* Епархиальные реформы. М., 2011; Кравецкий А.Г. Церковная миссия в эпоху перемен (между проповедью и диалогом). М., 2012.

¹² Она уже вызвала ряд благожелательных откликов. См., в частности: Ковалёв А., *свящ.* Приход как община: уроки столетия // Праксис. 2021. № 2(7). С. 258–262; Фирсов С.Л. «На закате»: православный приход в посткрестовнической истории Российской империи // Христианское чтение. 2022. № 4. С. 332–340; Макарова А.В. Приход как зеркало внутрицерковных разделений // Вестник ПСТГУ. Сер. II. История. История Русской Православной Церкви. 2022. Вып. 107. С. 169–173.

и духовенства. Тем не менее, сопоставив имеющиеся данные и проведя серию вычислений, автор установил, пусть и с известной долей условности, что в 1860 и 1913 гг. действовали соответственно 32 895 и 43 424 приходские церкви, в которых служили 37 397 и 49 641 священник «епархиального ведомства» (с. 887–899). Потребности населения, почти удвоившегося за 50 лет, подобный рост, очевидно, не удовлетворял. Но и он происходил вопреки усилиям властей, которые видели в нём угрозу для материального обеспечения причта. И если ранее Г. Фриз, рассчитав соотношение «всего православного населения империи к числу *всех* наличных священников, в том числе служивших в иных ведомствах и в кафедральных соборах», признал его в целом сопоставимым с нормами протестантских стран Северной Европы¹³, то теперь, когда Беглов учёл исключительно приходских пастырей, их нехватка стала более очевидной (с. 12–13).

При анализе статистики исследователь сгруппировал епархии, выделив «центральные», «северные и северо-западные», «поволжские и уральские», «новороссийские», «малороссийские», «западные и прибалтийские», «сибирские и дальневосточные», «среднеазиатскую» и «другие» (Кишинёвская, Финляндская и Грузинский экзархат). Как оказалось, «цифры по регионам более релевантны для сопоставления, поскольку границы епархий менялись, границы же регионов были более устойчивы» (с. 11)¹⁴.

Впервые в современной историографии Беглов выявил последствия реформы духовных учебных заведений 1808–1814 гг. для приходской жизни. Построенная тогда устойчивая и стройная система, включавшая духовные академии, семинарии и приходские училища¹⁵, требовала значительных финансовых средств, и власть обязала консистории пересылать в казну доходы от продажи свечей, поступавшие в приходскую кассу. Автор даже сравнивает эту реквизицию с секуляризацией монастырских имений при Екатерине II (с. 84). В результате часть денег утаивалась от епархиального начальства, и вскоре возникла «теневая приходская экономика» (с. 88). А поскольку содержавшаяся за счёт прихожан духовная школа имела сословный характер, обострились трения между клириками и мирянами. По мнению Беглова, утилитарный подход государства к Церкви вызвал «закрепощение прихода» (с. 99), который «перестал существовать как самоуправляемая общность, но остался территориально-административной и фискальной единицей» (с. 101).

Изучая кризис приходской жизни в XIX — начале XX в. и поиски выхода из него, предлагавшиеся церковными, государственными и общественными деятелями, Беглов использовал материалы архивов федерального (ГА РФ, РГИА) и ведомственного (СПбФ АРАН) подчинения, а также Национальной библиотеки Финляндии. На вклейке в книге воспроизведены фотографии, хранящиеся в Российском этнографическом музее и Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга. Однако некоторые документы

¹³ Правда, Фриз указывал на то, что обязанности русского духовенства были гораздо шире, чем у пасторов Дании, Англии, Швеции и Германии, и напоминали скорее нагрузку французских юрє, которых насчитывалось намного больше (с. 13).

¹⁴ Впрочем, то или иное районирование страны также может вызывать дискуссии. Подробнее см.: Сандерленд В. Введение. Регионы Российской империи: проблемы дефиниции // Регионы Российской империи. Идентичность, репрезентация, (на)значение. М., 2021. С. 7–14.

¹⁵ Сухова Н.Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века). М., 2006. С. 53–60.

остались ему недоступны из-за условий их хранения. В частности, донесения благочинных Уфимской епархии о приходских попечительствах с 1905 г. находятся среди бумаг синодальной канцелярии в нераспечатанном и прошитом конверте. Но даже этот факт автор смог интерпретировать, отметив, что ко времени получения данных докладов «проблемы попечительств отошли далеко на задний план» (с. 133). Среди источников, анализируемых в монографии, особый интерес вызывает адресованная К.П. Победоносцеву записка о проекте новой инструкции церковным старостам 1890 г., черновик которой сохранился в фонде Хозяйственного управления при Святейшем Синоде¹⁶. Хотя она введена в научный оборот ещё в 2004 г.¹⁷, только Беглову удалось установить и убедительно обосновать то, что её подготовил вице-директор канцелярии обер-прокурора Синода И.К. Зинченко. К сожалению, окончательный, беловой, вариант данной записки до сих пор не найден. Между тем Зинченко перечислял в ней губительные для приходов итоги реформы 1808 г., лишившей прихожан «самостоятельности и самодеятельности» (с. 89).

Первая серьёзная попытка исправить ситуацию пришлось на эпоху Великих реформ, когда в 1864 г. начали создавать приходские попечительства — добровольные благотворительные организации, которые могли собирать и тратить средства на нужды приходской церкви и причта, а также на благотворительность и просветительскую деятельность. Однако прихожане охотнее жертвовали деньги на украшение храмов, чем на помощь священникам. Судя по отзывам архиереев, поступавшим в Синод в конце XIX в., деятельность попечительств вызывала разочарование как у духовенства и прихожан, так и у чиновников (с. 133–163). Законодательная регламентация и формализация занятий церковных братств, стихийно возникавших в 1860-е гг. в основном в западных епархиях, также не способствовала возрождению приходской жизни. Желая повысить уровень материального благосостояния клириков, гр. Д.А. Толстой, занимавший должность обер-прокурора Синода в 1865–1880 гг., принял решение укрупнить приходы, сократив их количество и численность причтов (с. 118). Реформа, проводившаяся с 1869 г., раздражала и мирян, и пастырей, заботы которых резко возросли, а доходы так и не увеличились.

13 мая 1874 г. Победоносцев, тогда — сенатор и член Государственного совета, заседавший в Департаменте гражданских и духовных дел, сетовал в письме к своему бывшему ученику, цесаревичу Александру Александровичу, на то, «как важны могут быть последствия дела, предпринятого на беду синодальным управлением — закрытия церквей и сокращения приходов, которое, к несчастью, совершается теперь по всей России и возбуждает общий народный ропот». Однако, присоединяясь к этому возмущению, сановник ничего не мог изменить: «Я свидетельствовал об нём в Государственном совете, при обер-прокуроре Синода, но мой голос остался гласом, вопиющим в пустыне. Дело это приводит меня в негодование: как мало нужно было знать Россию, дух народный и нужды народные, чтобы предпринять его!». Победоносцева удивляли парадоксы имперской вероисповедной политики: «И не странно ли, что одною рукою, из ложно понимаемого либерализма, всячески облегчают иноверцам свободное удовлетворение духовных потребностей, заведение цер-

¹⁶ РГИА, ф. 799, оп. 31, д. 579.

¹⁷ Курляндский И.А. Законодательство Российской империи и проблемы церковной благотворительности (1700–1917 годы) // Религии мира: история и современность. М., 2004. С. 175–176.

квей и мечетей в каком угодно количестве, а другою рукой закрывают православные церкви в приходах, и без того раскинутых на огромные пространства, и лишают местные населения храмов, отцами и дедами созданных!»¹⁸.

Реалии сельского приходского быта Победоносцев и цесаревич могли наблюдать во время поездки по России в 1869 г. Любопытно, что описывали они их по-разному. Посетив 16 июля Покровский храм в селе Кокшайске Казанской губ., вел. кн. Александр Александрович не без раздражения отметил в дневнике: «Зашли в церковь весьма ветхую и старую, а потом в дом попадьи, которая совершенно растерялась и суетилась ужасно»¹⁹. Победоносцев же в брошюре о высочайшем путешествии рассказывал про благолепно украшенный и чисто прибранный каменный храм «старинной постройки» «с золочёным старым иконостасом» и умилялся хлопотам попадьи, которая «не знала, как быть и что делать, от изумления и от радости»²⁰. При этом они не упоминали запомнившиеся свидетелям подробные расспросы «о жизни духовенства», в ходе которых выяснилось, что священник И.Ф. Спасский из-за недостатка средств не мог «обучать своих дочерей в учебных заведениях»²¹.

Неудивительно, что, сменив гр. Толстого на посту обер-прокурора, Победоносцев приступил к пересмотру мер, предпринятых его предшественником. К 1885 г. укрупнение приходов фактически прекратилось, однако теперь уже этот шаг встретил «глухое сопротивление духовенства, ожидавшего уменьшения своих доходов» (с. 202). Настоятельно требовалось улучшить обеспечение причтов, но так, чтобы избежать как излишней демократизации приходской жизни, так и окончательного превращения священников в чиновников²². И всё же после голода 1891—1892 гг. Победоносцеву пришлось задуматься о целесообразности назначения казённого жалования. В конце 1892 г. Александр III полагал, что ему «наконец удалось» полностью «обеспечить сельское духовенство». «Это была моя мечта», — признался он, сделав пометку на письме обер-прокурора 24 декабря 1892 г.²³ Однако выделенных государством субсидий оказалось недостаточно (с. 205). Не помогли ни новая редакция инструкции церковным старостам, утверждённая императором в 1890 г. (с. 207—213), ни

¹⁸ Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1. М., 1926. С. 23. Уточнено по автографу: ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 961, л. 33—33 об. Поводом к этому письму стала статья некой «московской газеты», персланная Константином Петровичем наследнику престола, но не сохранившаяся в архиве. При публикации упоминание газеты было взято в кавычки, однако в автографе они отсутствуют. Это важно учитывать, поскольку различные издания под таким названием выходили лишь в 1866—1867 и 1882—1884 гг. (Русская периодическая печать (1702—1894). Справочник. М., 1959. С. 762). Не исключено, что Победоносцев поделился вырезкой из «Московских ведомостей», которые внимательно читал и не раз отправлял цесаревичу.

¹⁹ Цесаревич Александр Александрович. Дневник. 1865—1881. В 4 т. Т. 2 / Сост. О.И. Барковец. М., 2024. С. 552.

²⁰ Путешествие государя наследника цесаревича и государыни цесаревны в 1869 году. М., 1869. С. 15. Об авторстве этой неподписанной брошюры см.: *Мелентьев Ф.И.* Имперские травелоги И.К. Бабста и К.П. Победоносцева // Российская история. 2023. № 2. С. 76—83.

²¹ *Люстрицкий В.* Цесаревич Александр Александрович в селе Кокшайске в 1869 году. СПб., 1901. С. 12. Подробнее см.: *Мелентьев Ф.И.* Православное духовенство в восприятии великих князей Николая и Александра Александровичей // Монарх и монархия. К 150-летию со дня рождения императора Николая II и 100-летию убийства царской семьи. М., 2020. С. 321—338.

²² *Полунов А.Ю.* Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III. М., 1996. С. 47.

²³ К.П. Победоносцев и его корреспонденты: письма и записки. Т. 1. Полумом 2. М.; Пг., 1923. С. 968.

затаянная переделка положения о попечительствах (с. 221–247). В целом же «приходская реформа» Победоносцева «носила двойственный и противоречивый характер» (с. 213).

К концу XIX в. уже ни у кого не оставалось сомнений в необходимости преобразования православного прихода. После 1905 г. казалось, что разработка приходского устава позволит устранить накопившиеся противоречия. Однако скрупулёзное, чуть ли не постатейное изложение Бегловым проектов Предсоборного присутствия, И.С. Бердникова²⁴, Особого совещания при Синоде, депутатов Государственной думы и проч., а также подробный рассказ об их последующем редактировании, рассмотрении, обсуждении и критике в различных инстанциях свидетельствуют о том, что задача была практически неразрешима. «История приходской реформы в межреволюционный период — ещё один пример кризиса имперской государственной машины», — заключает исследователь, детально проследив динамику и неожиданные трансформации так и не удавшегося дела (с. 812).

Лишь после Февральской революции 1917 г. «прихожане явочным порядком реализовали ту реформу, о которой так долго говорили энтузиасты приходского вопроса» (с. 875). «Приходская революция», будучи частью «революции церковной», по сути, обернулась бунтом прихожан «против неугодных священников, против старой системы епархиального и приходского управления» (с. 814). В этих условиях Поместному собору 1917–1918 гг. предстояло провести реорганизацию прихода²⁵. Но, как констатирует исследователь, «даже беглый взгляд на принятый Собором приходской устав обнаруживает его определённую консервативность в сравнении с предшествовавшими проектами». Между тем составленное архиепископом Серафимом (Чичаговым), П.И. Астровым, епископом Андроником (Никольским) и Л.К. Артамоновым «Введение» к уставу стало, по словам А.Л. Беглова, «самым важным результатом деятельности Собора в приходском вопросе», поскольку в нём «богословие давало жизненный ответ на вызов времени, показывая, что участие в повседневной приходской жизни, даже в её самых обыденных проявлениях, может вести члена Церкви к его вечному спасению» (с. 860).

Фёдор Гайда: Приходские преобразования и революция, или Реформирование нереформируемого

Fyodor Gayda (Lomonosov Moscow State University, Russia;

St. Tikhon Orthodox University, Moscow, Russia):

Parish transformations and revolution, or Reformation of the Unreformable

DOI: 10.31857/S2949124X24040089, EDN: FFIJCHG

А.Л. Беглов представил масштабную картину развития русского православного прихода и его кризиса, начавшегося ещё при создании синодальной си-

²⁴ О его «сепаратном проекте» см. также: Михайлов А.Ю. «Канонист с горением Илиным...»: жизненный и творческий путь профессора Ильи Степановича Бердникова (1839–1915). Казань, 2021. С. 189–198.

²⁵ Протоколы заседаний Отдела о благоустройении прихода, итоговый доклад, «Инструкцию членам причта» и другие материалы см.: Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 14 / Отв. ред. А.Л. Беглов. М., 2017.